

«ЗА ТО И ЛЮБЛЮ..»

Вначале была Савина. Великая русская актриса Мария Гавриловна Савина, талант, красавица и умница, дружба с которой были освящены последние годы жизни И. С. Тургенева. Потом — прикованная к крыслу девушка Милица, чья душа — там, в небе... И гордая, взлелеявшая в себе месть античная гречанка Электра, жертва, ставшая преступницей... А рядом со мной по вечернему Воронежу идет милая, большеглазая женщина с удивительно глубоким голосом и особой, одновременно мягкой и порывистой пластикой — актриса Ленинградского государственного академического театра драмы имени Пушкина, заслуженная артистка РСФСР Валентина ПАНИНА.

— Устали, Валентина Викторовна! Целый месяц играть почти ежедневно.

— Пожалуй, немного устала. Но от работы устаешь меньше, чем от простоя. А в Воронеже вообще было интересно — город у вас театральный, зритель подготовленный: он сразу понимает, что к чему, где настоящее, где фальшь, где искусство, а где «новация», и очень чутко реагирует. Здесь на одной репутации не выйдешь, ее каждый день надо подтверждать. Играть, как первый раз. Что мы и старались делать.

— Значит, вы довольны!

— Как вам сказать... Тем, что меня понимают, — да, конечно. Но я «самоедка», после спектакля всегда извожу себя: вот здесь не так, здесь надо было иначе... Может, это и плохо, но ведь, если быть всем довольной, так и успокоишься, а это в искусстве — гибель. Да и жить так — нелзя, неинтересно!

Неуспокоенность — едва ли не главное в характере Валентины Паниной. И она ценит это качество в товарищах по сцене, независимо от их возраста.

— Очень люблю наших театралных «стариков»! Восхищаюсь их умением быть всегда в форме и целиком отдавать себя сцене. Учусь у них этому — постоянно, ежедневно. С Рэмом Федоровичем Лебедевым с удовольствием играю в «Мелодии для павлаина». С Бруно Артуровичем Фрейндлихом вместе работали над «Элегией».

Должна вам сказать — это было совсем не просто, кое-что мы видели по-разному, спорили, ссорились — и находили общее решение. Спектакль получился. Но до сих пор, уже несколько лет, мы продолжаем работать над ним.

Запомнилось: Тургенев склоняется к руке Савиной. Она порывисто поднимает вторую, почти касаясь его головы, и замирает: ведь это же Тургенев! И медленно-медленно, бессильно опускаясь, рука...

Запомнилось: Савина говорит Тургеневу о своей любви к другому человеку, за которого она, кажется, выйдет замуж. Говорит, убеждая, прежде всего, самое себя. Говорит — словно признается в любви к тому единственному, ные имя для нее свято. И скажи он сейчас только слово — одно слово! — она пойдет с ним и будет тем верным, все понимающим другом, которого Тургеневу не хватало всю жизнь. Но она — большая актриса и совсем молодая женщина. А он, великий писатель, но старый, больной человек, считает, что не имеет права на эти последние лучи света. И он соглашается: да, так будет лучше... Савина-Панина продолжает говорить, а слезы застилают в глазах, не смея переплыть, и голос не дрожит, только слышишь, как боль разрывает сердце: да, так будет лучше...

— ...Это вторая моя боль-

шая роль в театре, после Параша в «Горячем сердце». Как я собирала все о Савиной, как искала хорошее! Ведь о ней, о ее личности часто говорят зло и плохо. Савина не только великая актриса, она изумительный человек. Она добила открытия (и вложила свои деньги) — это в 900-е годы! — Дома ветеранов сценны и детского приюта при нем.

Мне многим помог режиссер спектакля, к сожалению, уже покойный Илья Саулович Ольшангер. Он поверил в меня, когда я сама в себя не верила: я — Савина? Верил и тоже помог этим и Бруно Артурович Фрейндлих.

— А Электра! Ведь здесь все другое — эпоха, характер, пластика, противоположная режиссерская манера. Там — точчайшие психологические кружева, здесь — крик, кровь и страсть вперехлест. И, кажется, все так же подвластно исполнительнице центральной роли.

— Образ, действительно, сложный, да и сама пьеса не проста по восприятию. Когда моя героиня живет ради мести тирану и убийце отца — она мне дорога. Как она из жертвы становится преступницей, когда она говорит брату: «Убей мать», — я ее ненавижу и хочу, чтобы со мной ее ненавидел весь зал.

Запомнилось: брошенная на зель горем, но не сломленная гордая дочь царя Агамемнона. Запомнилось: «Электра есть Электра», слова, «державшие» на себе спектакль. Это формула, позволяющая то терпеть пятнадцать лет моральную пытку, то обрекаящая ее на страдания безнадёжной любви, на смерть... И боль в голосе, то взлетающем до крика, то сдвоенном рыданием.

— Еще вы показали нам Милицу в «Мелодии для пав-

лина», Беатриче в «Много шуму из ничего»...

— Вас тронула Милица, спасибо. Автор, Заградник, приехал к нам, хвалил спектакль, одобрил монолог о полете, который я для себя написала. А потом мы с Рэмом Федоровичем Лебедевым получили Почетный диплом на смотре чехословацкой драматургии. Тема здесь большая — об отчужденности людей и об их путях друг к другу, о том, что не может, не должен быть человек одинок.

Запомнилось: девушка в инвалидном кресле. Неподвижные ноги закутаны пледом. А голова откинута, и огромные глаза видят не потолок чужой комнаты — небо, в котором ей, планеристке, больше не быть. Панина не играет преодоление болезни, ее Милица просто живет, естественно и гордо, вот только счастья любви у нее не будет, но об этом она не позволяет себе думать...

— У вас такие непохожие героини...

— Так и должно быть. Вообще, я считаю, что актер должен уметь играть все — и мелодраму, и фарс, и высокую трагедию, и комедию, и рок-оперу. И каждый раз начинать все сначала. Что-то ему ближе, что-то дальше, но уметь он должен все. В этом сложность и притягательность нашей работы. Виктор Иванович Коршунов говорил нам, студентам: «Актерская профессия — это марафон. Не старайтесь схватить все сразу — не хватит дыхания, но и не сходите с дистанции».

— Личность актера как-то накладывается на его героев!

— Бесспорно! Мой педагог по училищу Ирина Ильинична Судакова говорила нам: не копите в себе зло. Убивайте в себе злобу, ненависть — не как чувство, потому что есть явления, которые

нужно ненавидеть, — а как человеческие качества. Иначе это все равно вылезет наружу, как бы вы ни старались прикрыть.

— Ваши героини — сильные личности. А вы?

— Я? — На лице задумчивая улыбка. — Современной женщине нельзя быть слабой. Хотя иногда и хочется...

— А что, кроме театра, составляет вашу жизнь?

— Прежде всего, я — депутат Ленинградского горсовета и очень дорожу доверием, которое оказали мне люди. Бывало счастливо, когда удается им помочь.

Еще есть дочь Наташа, ей 13 лет, и очень хочется, чтобы, кем бы она ни стала, она любила свое дело. Или так — занималась любимым делом.

— Вы любите молодежную аудиторию!

— Мне в ней интересно. У молодежи все чувства предельно обострены — любовь, ненависть, честность — до боли. И молодые люди, что бы там ни говорили, душою тянутся к благородству, чуткости, большой любви. Я видела, как принимали в Москве «Сирано де Бержерака» с Шакуровым в главной роли. Какая тишина стояла в зале!

Или вот — мы показывали «Элегию» на «Электросиле». Потом — обсуждение в заводском клубе любителей театра. Мы волновались, как примет аудитория. Встают рабочие парни, и говорят, что такие спектакли нужны именно молодежи. Ибо скучают порой человеческие чувства в погоне за материальным. А «Элегия» учит — даже самых безнадёжных — настоящей любви, умению переносить боль, жертвовать.

За возможность говорить людям о таких чувствах, я и люблю театр.

Беседу вел
Е. ИГУМНОВА.